

УДК 7.01; 7.03

DOI: 10.37953/2079-0341-2024-3-1-388-400

АРХИТЕКТУРНЫЙ ЭКФРАСИС В ЗАПИСКАХ И ОЧЕРКАХ РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ ПО ИТАЛИИ

Наталья А. Калугина

Государственная Третьяковская
галерея, Москва, Россия,
calugina.nat@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена особенностям восприятия строений и архитектурной среды городов Италии русскими путешественниками в XVII–XIX веках. Благодаря их путевым заметкам и очеркам, в которых сохранились впечатления, аналитические рассуждения и любопытные сопоставления итальянской архитектуры с аналогичными культурными памятниками Отечества, можно восстановить эстетические вкусы и культурные предпочтения трех эпох.

Ключевые слова: экфрасис, архитектура, путешествие, заметка, очерк

Для цитирования: Калугина Н.А. Архитектурный экфрасис в записках и очерках русских путешественников по Италии // Academia. 2024. № 3. С. 388–400.

DOI: 10.37953/2079-0341-2024-3-1-388-400

ARCHITECTURAL ECPHRASIS IN THE NOTES AND ESSAYS OF RUSSIAN TRAVELERS IN ITALY

Natalia A. Kalugina

State Tretyakov Gallery, Moscow, Russia,
calugina.nat@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the peculiarities of perception of buildings and architectural environment of Italian cities by Russian travelers of the 17th–19th centuries. Thanks to their travel notes and essays, which preserved impressions, analytical reasoning and curious comparisons of Italian architecture with similar national monuments, it is possible to restore the aesthetic tastes and cultural preferences of three epochs.

Keywords: ecphrasis, architecture, travel, note, essay

For citation: Kalugina, N.A. (2024), “Architectural ecphrasis in the notes and essays of Russian travelers in Italy”, *Academia*, 2024, no 3, pp. 388–400. DOI: 10.37953/2079-0341-2024-3-1-388-400

Изучение литературы путешествий — одно из самых популярных гуманитарных научных направлений нынешнего времени. Травелог (описание поездок) затрагивает разнообразные аспекты философии и бытия, с акцентом на характеристике местности и пространства. И несмотря на то, что в последние годы появилось множество публикаций, раскрывающих литературную сторону путевых записок, по-прежнему сохраняются значительные перспективы для анализа их историко-культурного контекста.

Особый интерес в травелоге разных эпох представляют описания памятников архитектуры, так как здания составляют неотъемлемую часть жилого пространства и являются фоном для сменяющихся друг друга исторических процессов. Записки путешественников, по-разному переживающих насыщенность городской среды, помогают проследить за сменой художественных вкусов, а уникальная интерпретация узнаваемых образов придает памятникам архитектуры новую выразительность.

История Древней Руси почти не знает примеров путешествий, предпринятых с образовательными или познавательными целями. Первое целенаправленное появление русских на Западе, как правило, было связано с политикой или торговлей.

Дипломатические отношения Русского государства со странами Апеннинского полуострова завязались в начале XVI и укрепились к концу XVII столетия¹, когда в 1656 году из Москвы в Венецию отправилось посольство во главе со стольником и наместником Переяславским И.И. Чемодановым и дьяком А. Посниковым. К этому времени относятся и первые письменные свидетельства путешественников: «Статейный список» — отчет о выполнении миссии и выстроенная по хронологии «Роспись» пути, с деталями посещения городов и объектов. Эти записки носили официальный характер деловых документов и не предназначались для массового читателя². Перемещаясь, по их собственным свидетельствам, в закрывающих обзор экипажах, с сопровождающим, посланники совершали организованные поездки и редко обращали внимание на художественные достоинства зданий, которые, в лучшем случае, вызывали у них вопросы о древности населенных пунктов.

Содержание наивных в художественном отношении путевых записок середины XVII века изменилось в Петровскую эпоху, когда Италия приобрела для России не только важное политическое, но и культурное значение. В первой половине XVIII века в Петербург в поисках заработка потянулись итальянские мастера, зодчие, скульпторы и живописцы. А основу театральной жизни двора составили труппы из итальянских артистов. Художественное наследие потомков древних римлян, получившее новое претворение в памятниках северных земель, проявило желание увидеть историю в подлиннике. В этот период получают большое распространение образовательные поездки по Европе, во время которых посланники осваивали и некую культурную программу. Опыт знакомства с наследием Европы становится обязательным пунктом личностного взросления русских дворян. А знание литературы и европейских языков помогает им держаться более уверенно, мыслить и рассуждать критически.

С началом XVIII века связывают массовый приток русских путешественников к историческим местам Италии. При этом, выстраивая маршрут, они уже обращались к литературным источникам-путеводителям, которые с этого времени сделались своеобразным пособием для приобретения культурного опыта³. Ричард Ласселс в своей книге «Путешествие в Италию» (1670) популяризировал, принятое еще в эпоху Возрождения понятие Гранд-тура, в рамках которого

¹ Казакова Н. А. Западная Европа в русской письменности XV–XVI вв. Из истории международных связей России. Л., 1980.

² Казакова Н. А. Статейные списки русских послов в Италию как памятник литературы путешествий // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1988. Т. 41. С. 272.

³ Ричардсон Дж. «Сообщение о некоторых статуях, барельефах, рисунках и картинах в Италии» (1721); Винкельман И. И. «История искусства древностей» (1783).

Ил. 1. Панорама Рима с вершины холма Пинчо. Фото Н.А. Калугиной.

теперь делался акцент не только на науке, но и на расширении кругозора за счет посещения музеев и осмотра культурных объектов. Около недели «гранд-туристы» проводили в небольших городах и по несколько месяцев в крупных полисах, которые со временем стали пользоваться собственным, вполне заслуженным авторитетом.

Ведущие мировые научные центры сформировались в Германии. Представители российской интеллигенции отправлялись в немецкие города на научные съезды и книжные ярмарки, для знакомства с известными учеными и философами. Во Франции приобщались к литературным новинкам. Англия привлекала своими институтами. А Италия воспринималась как «обетованная земля для восторженных душ»⁴, как колыбель мировой цивилизации. Страна вечной весны привлекала экзотической природой, талантливыми художниками, уникальными археологическими объектами и уцелевшими памятниками древности, которые органично сосуществовали в одном пространстве с позднейшими постройками⁵.

Культ Италии, сложившийся среди русских дворян в конце XVIII века, достиг своего апогея в первую половину XIX века — время расцвета романтизма. Как общественное явление романтизм проник во многие сферы жизни и обрел яркое выражение в искусстве. Музыка, живопись и литература, насыщенные эстетическими и философскими темами, открыли богатство внутреннего мира человека и надолго определили пути развития европейской и отечественной культуры⁶. Субъективное начало, погружение в историю, иммерсивный опыт, аналитический подход, лиричность и психологизм в восприятии окружающего мира — все эти яркие черты романтического мышления нашли воплощение в записках и очерках русских деятелей первой половины XIX века, которые в силу жанра имеют документальную основу и носят выраженную личностную окраску.

⁴ Буслаев Ф. И. Мои воспоминания. М., 1897. С. 157.

⁵ Гуминский В. М. «Письма русского путешественника» в контексте развития русской литературы путешествий // Литературоведческий журнал: научное издание. М., 2017. № 40. С. 74–145.

⁶ Липич Т. И. Русский романтизм в общественном сознании и культуре России первой половины XIX века // Булгаковские чтения. Орел, 2008. Т. 2, № 2. С. 236.

Именно к этому периоду относятся самые информативные и емкие сочинения, многие из которых оставались вне внимания исследователей.

В качестве средства художественной выразительности в своих путевых записках многие отечественные теоретики обращались к так называемому экфрасису, или словесному описанию увиденных во время путешествий произведений изобразительного искусства. Дух приключений, момент ожидания, живость восприятия и занимательность фактов, сопоставление с привычными образцами — это то, что делает экфрасис эпистолярного жанра или травелога ценным для историков и искусствоведов, изучающих вкусы эпохи. Особенный интерес при этом представляют впечатления путешественников, деятельность которых напрямую не связана с искусством. Их любительские эмоциональные отклики и основанные на интуиции выводы сохраняют любопытные подробности бытования памятников в конкретный момент времени, демонстрируют «картину» общественного мнения эпохи и помогают проследить за культурной эволюцией русского дворянства.

Своими отзывами, русские вояжеры помогали в распространении сведений о европейской жизни и своеобразии культуры, определяли приоритетные направления художественного заказа, диктовали моду на художественные новинки в архитектуре и декоративно-прикладном искусстве. Недаром многие не предназначенные для массового читателя тексты заметок и дневников без ведома автора публиковались в периодических отечественных изданиях⁷. А ставший достоянием общности архитектурный экфрасис не только формировал художественное сознание, но и лег в основу новой эстетики в русской строительной практике, ориентированной сначала на образцы античной классики, а затем на разностилье, получившее воплощение в образах эклектики.

Путешественники конца XVII столетия, очевидно, в силу недостатка знаний по искусству немногословны в своих суждениях об архитектуре. Князь Борис Иванович Куракин, который в 1697 году прибыл в Италию для изучения навигационного дела, не выстраивал экскурсионного маршрута и остался равнодушным к диковинкам Рима. Единственное, что по-настоящему произвело на него впечатление, — это праздничная иллюминация собора Святого Петра (29 июня (12 июля), когда украшенная огнями римская святыня и прилегающие здания с развешанными расписными фонарями-лантернами, походят на сооружения Московского Кремля в канун Нового года. Знаменитую площадь Навона, которая наполняется водой, он рассматривает исключительно как любопытное место для наблюдения за конфликтами обрызганных прохожих⁸. А римские храмы описывает преимущественно с точки зрения, связанных с ними непристойных историй и происшествий.

В отличие от Куракина русский военачальник Борис Петрович Шереметев, который путешествовал по Европе с религиозными целями, использовал свое пребывание в Италии в 1698 году для паломничества по святым местам. В его записках преобладает описание католических соборов, хранящихся там реликвий, которые волновали всех благочестивых русских подданных. Описывая дом Богородицы в Лорето, храм Антония в Падуе, Флорентийский собор, Сан Джованни ин Латерано, Собор Петра и Санта Скала в Риме, он делает акцент на роскоши убранства: обилие мрамора и позолоты⁹, отмечая при этом очень декоративные, выложенные мозаикой узорные полы, не характерные для православных храмов России¹⁰.

Пристальное внимание обращал на культовые строения и граф Петр Андреевич Толстой, оказавшийся в Италии в 1697–1698 годах. Целенаправленно

⁷ Григорович В. И. Отрывок из письма пенсионера Общества поощрения художников Александра Брюллова // Журнал изящных искусств. 1825. № 3. С. 78–81; Перовский В. А. Отрывки писем из Италии. 15 сентября 1823 года // Северные цветы. 1826. С. 172–239.

⁸ Архив князя Ф. А. Куракина, издаваемый под ред. М. И. Семевского. СПб., 1890–1902. Кн. 1. С. 200.

⁹ Шереметев Б. П. Путешествие по Европе боярина Б. П. Шереметева. 1697–1699. М., 2013. С. 50, 51, 54, 97.

¹⁰ Там же. С. 93.

Ил. 2. Рим. Колизей. Фото Н.А. Калугиной.

посещая только церкви и монастыри различных орденов, он скрупулезно поименно перечисляет в дневнике все имеющиеся там мощи святых, характеризует внутреннее убранство и отделочные материалы, выделяет скульптурный декор и статуи. Даже Колизей его интересует только потому, что на арене цирка от нападения диких зверей погиб святой Игнатий и «земля в том месте вся... обогрена кровью святых мучеников»¹¹.

Толстой никак не выделяет античную архитектуру, но обращает внимание на поздние переделки в стиле барокко, пышность и нарядность которого утверждала авторитет католической церкви. Даже, стоя перед собором Святого Петра, Толстой направляет свой взор на диковинный для России фонтан с чистой питьевой водой¹². Бегло упоминает не виданные им ранее римские обелиски и многочисленные арки-ворота города, которые прославляют древних полководцев¹³. При этом он без удивления пишет о римской пирамиде Гая Цестия¹⁴ и невзначай говорит о суровой архитектуре замка Святого Ангела, главной достопримечательностью которого он посчитал широкий каменный мост с «дивного мастерства» решеткой и скульптурами ангелов, автора которых не знает¹⁵.

Более осмысленный анализ увиденных архитектурных объектов прослеживается в сочинениях путешественников XVIII века, которые, целенаправленно выстраивая свой маршрут, перед поездкой активно пополняют знания чтением специальной литературы. Так, Никита Акинфиевич Демидов, приехавший в Италию в 1773 году, уверенно перечисляет готические и романские элементы в итальянской архитектуре Средних веков, ведет рассуждения о греческом и римском вкусе. А при описании Колизея, Пантеона, базилики Сан Джованни ин Латерано, палаццо Дория-Памфили в Риме и королевского дворца в Неаполе,

¹¹ Толстой П. А. Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе (1697–1699). М., 1992. С. 192.

¹² Там же. С. 197–198.

¹³ Там же. С. 191.

¹⁴ Там же. С. 216.

¹⁵ Там же. С. 195.

даже выделяет архитектурные ордера, изучение которых в деталях и пропорциях продолжалось и в первой половине XIX века.

Его, как и многих русских путешественников, привлекает обилие в отделке благородного и поделочного камня. Как представитель семьи горнозаводчиков, он со знанием дела характеризует качества и свойства паросского мрамора и травертина, яшмы, порфира и гранита.

Отдельное внимание Н.А. Демидов обращает на чудеса инженерного и градостроительного искусства. Например, он с интересом отмечает регулярную планировку Рима и умело продуманную систему трех лучей-улиц, которые выделяют церкви-близнецы Санта-Мария-деи-Мираколи и Санта-Мария-ин-Монтесанто¹⁶. В своем журнале он также упоминает башню семейства Гаризенда в Болонье, которая, имея сильный наклон в восемь футов и два вершка, стоит вопреки пониманию на него смотрящего¹⁷. Но при этом лишает внимания аналогичную башню в Пизе, которой предпочитает величие соседнего с ней храма, со знанием дела сравнивая его с архитектурой Домского собора в Сиене.

Как и все путешественники особое место в описании Италии Демидов уделяет собору Святого Петра, который он характеризует как сооружение с перспективой «великолепной и огромной соразмерности со вкусом и в драгоценности сокровищ»¹⁸. Его дивное убранство Демидов оценивает даже выше ископаемых древностей, которые для него больше диковинка, чем объект восхищения... Даже отправившись на юг Италии и осмотрев раскопки Помпей, он признает, что «удивительнее всего в Неаполе показалось... множество церквей и их величие, которое состоит не в наружном фасаде, но... внутри сохраняется, и, если кто хочет видеть сокровища, тот должен осмотреть только здешние церкви... убранные различными мраморами и барельефами»¹⁹.

Интересно, что в путевом журнале Демидова выборочная характеристика отдельных поразивших его памятников сменяется местами детальным описанием маршрута с визуализацией увиденного. Это позволяет читателю ясно представить панораму города и расположение архитектурных объектов. «Ходили смотреть Испанскую площадь, от которой начинается огромная лестница, сделанная вся из белого мрамора, восходящая на гору Пин... не в дальнем отсюда расстоянии виден загородный дом, называемый Вилла Медичи...»²⁰.

В отличие от Демидова, который старался последовательно излагать мысли, давая точную характеристику всем объектам, Василий Николаевич Зиновьев, камергер, в будущем русский сенатор, анализировал итальянскую архитектуру избирательно. Его «Журнал путешествия...», составленный в форме писем, адресованных графу Семену Романовичу Воронцову, наполнен не столько описанием увиденных памятников, сколько эмоциями и переживаниями с ними связанными. Воронцов видел все прелести Италии своими глазами, так как в 1774 году жил и работал сначала в Пизе, а затем в Венеции. Поэтому большее внимание при перечислении своих занятий в стране вечной весны Зиновьев уделяет конкретным событиям, произошедшим лично с ним: много пишет о дипломатических приемах, церемониях и концертах. Даже завораживающая Сикстинская капелла удивляет его, прежде всего своим хором, пение которого местами кажется ему посредственным²¹. По личным убеждениям, он не берется описывать собор Святого Петра. Однако признает его величие и значимость, упоминая и тот факт, что сама императрица заказала местному ремесленнику

¹⁶ Демидов Н.А. Журнал путешествия его высококордия господина статского советника и Ордена святого Станислава кавалера Никиты Акинфиевича Демидова. По иностранным государствам с начала выезда его из Санкт-Петербурга 17 марта 1771 года по возвращению в Россию, ноября 22 дня 1773 года. М., 1786. С. 91.

¹⁷ Там же. С. 81.

¹⁸ Там же. С. 93.

¹⁹ Там же. С. 129.

²⁰ Там же. С. 113.

²¹ Журнал путешествия Василия Николаевича Зиновьева по Германии, Италии, Франции и Англии. 1784–1790 // Русская старина. 1878. Т. 23. С. 402.

Локанжулли уменьшенную в 200 с лишним раз копию римской святыни, чтобы на модели наблюдать освещение купола, которое бывает в Риме в праздничные дни²².

Через десять лет после В.Н. Зиновьева, в 1784 году, в Италию приехал литератор Денис Иванович Фонвизин²³, который к знакомству со страной подошел с практической точки зрения и акцентировал внимание не на красоте, а на ее пригодности для жизни. Во Флоренции Фонвизина раздражали повсеместные ярмарки и торговые лавки, которые, распространяя запахи снеди, портят атмосферу улиц²⁴. В Венеции он рассуждал о неудобных каналах, которые, по его глубокому убеждению, являются результатом варварского вторжения человека в природу и нарушают архитектурно-пространственную целостность города²⁵. Наслаждаться постройками ему повсеместно мешают неухоженные дворы и итальянские бедняки, назойливость которых вынуждает путешественника сопоставить Богом забытую Италию с «земным адом». Недаром русский писатель и художественный критик Павел Михайлович Ковалевский в своих путевых впечатлениях ипохондрика уподоблял «несчастную», «неблагоустроенную» и забытую западными соседями Италию с «постаревшей матерью», которую бросили выскочившие в люди сыновья²⁶.

Суждение Ковалевского подобно крещендо в поэтической песне, которую посвящали Италии деятели следующего XIX столетия. Из их путевых дневников не исчезают досадные замечания о запустении страны. Однако в этот период приоритет зрительного восприятия сменяется восприятием ценностным. А распространившиеся в России книги по искусствоведению и многочисленные образно-возвышенные воспроизведения архитектурных памятников Великой Римской империи в живописи и графике только усилили желание интеллектуалов

²² Там же. С. 407.

²³ Фонвизин Д. И. Письма из третьего заграничного путешествия (1784–1785) // Фонвизин Д. И. Собрание сочинений: в 2-х т. М.; Л., 1959. Т. 2. С. 500–558.

²⁴ Там же. С. 519.

²⁵ Там же. С. 549.

²⁶ Ковалевский П. М. Путевые впечатления ипохондрика // Современник. 1859. № 10. С. 359–376.

воочию оценить культуру Италии. Большое влияние на восприятие архитектуры оказал в это время и взгляд на мир с позиции романтиков, которые «были против утилитарности архитектуры, как самого важного свойства этого вида искусства» и рассматривали ее как «прибежище духа, но не жизни»²⁷.

В XIX веке Рим продолжает привлекать вояжеров, которые, по представлению мемуариста Александра Алексеевича Бехтеева, теперь воспринимают его в большей степени «как святилище исторических воспоминаний и хранилище художественных усовершенствований»²⁸, нежели просто жилое пространство с историей. Ведь «при всем упадке своем [Рим] сохраняет остатки пышности, ему одному свойственной...»²⁹. Бехтеев сравнивает обозрение Рима с чтением книги, «описывающей его древнее состояние и каждое из великих воспоминаний»³⁰ и призывает обратиться к ней, чтобы повысить свою личную культуру.

Для всех русских подданных, а особенно тех, кто приезжал из столичного Петербурга — города-крепости в честь Святого Петра самым важным объектом в Риме по-прежнему оставался соименный католический собор. «Чем ближе подъезжали мы к древней столице мира», — признавался Бехтеев, «тем более торопились к цели нашего путешествия, и никто из нас не обращал внимания на представлявшиеся на пути предметы, а всякий беспрестанно высовывался из кареты, чтоб первому увидеть купол храма Святого Петра»³¹.

В своих воспоминаниях о поездке в Италию в 1864 году филолог Федор Иванович Буслаев испытывал схожие чувства и даже сравнивал собор с «вещью головой сказочного исполина, лежащей на костях всемирного побоища народов»³². А историк литературы Степан Петрович Шевырев, оказавшийся в Риме в 1829 году, сопоставлял его с «многообразным миром», который можно познать, только обращаясь к своему опыту и рассудку.

Личное знакомство с культурой Запада, которая рассматривалась и как кладезь идей и творческих экспериментов, приводило русских к более осмысленному взгляду и на наследие Отечества. Каждый русский путешественник за рубежом неустанно оглядывался на свою страну, делал вольные и невольные сравнения и выводы.

Русский историк и типограф Николай Сергеевич Всеволожский, побывавший в Италии в 1837 году, находит схожие черты между древней Аппиевой дорогой и старым Смоленским трактом. По его мнению, с обеих одинаково живописно открывается перед путешественником вид на приближающийся город, где особенно «заметны купола с золотыми верхами, множество церквей, кресты, колокольни»³³.

Крупный ученый, картограф и геодезист Федор Федорович Шуберт, вспоминая о куполе собора Святого Петра в Риме, находит символичным, что круглый двор внутри здания Императорской Академии художеств в Петербурге спроектирован соразмерно масштабам святыни Ватикана, «и если встать посередине его и мысленно представить себе все здание, которое тебя окружает, поднимающимся вверх, то... получаешь представление о всей грандиозности этого купола»³⁴. Тот же факт, в качестве любопытного знания, приводит в своих

²⁷ Турчин В. С. От романтизма к авангарду. Лица. Образы, Эпохи. В 2-х т. М., 2016. Т. 1. С. 134–135.

²⁸ Бехтеев А. А. Рассказ об Италии Александра Бехтеева, двора его императорского величества камергера, действительного статского советника и разных орденов кавалера, изданный для руководства предпринимающим это путешествие. М., 1846. С. 35.

²⁹ Там же. С. 112.

³⁰ Там же. С. 35.

³¹ Там же. С. 34.

³² Буслаев Ф. И. Мои воспоминания. М., 1897. С. 237.

³³ Всеволожский Н. С. Путешествие через Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Францию и Париж в 1836 и 1837 годах. М., 1839. Т. 2. С. 97.

³⁴ Козырева М. Г. Из воспоминаний Ф. Ф. Шуберта о Петербурге // Немцы в России. Петербургские немцы. СПб., 1999. С. 412.

записках и русский историк, граф Михаил Дмитриевич Бутурлин, побывавший в Риме в 1837 году³⁵.

Эта антитеза становится наиболее выразительной в момент смены художественных вкусов. Например, когда во второй половине XVIII — начале XIX века, архитектурная практика в России взяла курс на правильные и торжественные формы античности, барочные мотивы, завораживающие путешественников XVII и начала XVIII века, кажутся наблюдателям избыточными.

Нарочитая эффектность храмов — это то, что всегда удивляло русского человека в средневековой и барочной архитектуре Италии, которая своим многообразием и уникальностью всех элементов больше напоминала им музей редкостей. Созерцание архитектуры Палермо литературный критик Павел Васильевич Анненков сравнивал с чтением арабской сказки «Тысяча одна ночь». Русский историк Александр Дмитриевич Чертков акцентировал внимание на «пестром» Флорентийском соборе. А ранее упомянутый Бутурлин удивлялся «острому» собору в Милане. И только инженер Матвей Степанович Волков находит логичное объяснение, оправдывая эту архитектурную избыточность. В своих письмах он рассуждает о постоянном стремлении итальянского мастера угодить взыскательному зрителю. Он находчиво сравнивает местного архитектора с поэтом, который пишет витиеватые стихи и не способен четко формулировать мысли, а приглядевшегося созерцателя с обжорой, которому для возбуждения чувства вкуса постоянно требуются новые острые специи³⁶.

Если у Волкова архитектура Италии вызывала ассоциации с поэзией, то Федор Петрович Лубяновский, будущий пензенский губернатор, писал о музыке, которая отозвалась в его душе при посещении римского Пантеона. Архитектурные формы храма он сопоставляет с «тысячами разных звуков», которые «были рассеяны» и которые собираются в «приятные песни», благодаря «пылкому уму» и «чистому вкусу» наблюдателя³⁷. С вибрацией звука он интуитивно сравнивает и волновые потоки света, которые наполняют интерьер Пантеона и как будто помогают лучше видеть и «слышать». Это проявляющее детали сияние, возвышенная праздничная атмосфера внутри всех итальянских храмов и даже надписи, которые кощунственно оставляют на стенах соборов не отличающиеся скромностью европейцы, отвлекали привыкших к умеренности и таинственному полумраку благочестивых русских от молитвы и лишали их чувства духовного единения с Богом³⁸.

Например, Н.С. Всеволожский намеренно подчеркивал разницу между аскезой православных храмов, и помпезностью католических. Он был уверен, что «храм храмов» — собор Святого Петра русский путешественник посещает не как место священного культа, а как собрание диковин, которые поражают воображение на каждом шагу. «Человек с чувствами непременно устанет, когда дойдет только до алтаря: душа его утомится при виде купола; на остальное будет смотреть с каким-то равнодушием, и потому-то церковь Святого Петра надобно посещать много раз, а в один раз ничего не увидишь: чувство теряется, не выдерживает этого величия»³⁹. Ему как будто не хватает в Италии духовной близости с соотечественниками и связи с родиной.

И все же была в архитектуре Италии печать веков, которая притягивала чутких от природы русских путешественников. Следы бренности бытия, менее заметные в отечественных памятниках, особенно молодой Северной столицы, пробуждали в них приятное чувство ностальгии.

³⁵ Записки графа М. Д. Бутурлина. М., 2006. Т. 1. С. 485.

³⁶ Волков М. С. Отрывки из заграничных писем (1844–1848). СПб., 1857. С. 150.

³⁷ Лубяновский Ф. П. Путешествие по Саксонии, Австрии и Италии в 1800, 1801 и 1802 годах. СПб., 1805. Ч. 2. С. 166.

³⁸ Там же. С. 165.

³⁹ Всеволожский Н. С. Путешествие через Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Францию и Париж в 1836 и 1837 годах. М., 1839. С. 146. Т. 2.

В эпоху романтизма с ее историзмом мышления сложился настоящий культ руинированных сооружений, которые становились отражением философских и религиозных представлений о мифическом прошлом, питающем воображение романтиков. Влияние романтического мироощущения прослеживалось и в увлечении переходными состояниями природы в течение суток. Поэтому настоящим откровением для впечатлительных путешественников становятся в этот период таинственные метаморфозы архитектурных обломков при разной погоде и освещении.

Например, П.В. Анненков считал, что любой свет способен глубоко раскрыть сущность архитектуры, но больше радовался непривычному и даже нестерпимому для северянина ослепительному солнечному сиянию. Инженера М.С. Волкова восхищало усиливающее романтическое очарование городов вечернее газовое освещение⁴⁰. А Н.С. Всеволожский полагал, что лучшее время для обозрения старинных памятников — это ночь, когда темнота скрадывает все несовершенства, тишина помогает сосредоточиться, а лунное сияние будит воображение, которое рисует в уме наглядные картинки прошлого.

Историк литературы и общественный деятель Степан Петрович Шевырев утверждал, что «в Италии фантазия играет даже мыслями о смерти», которая постоянно томится «в цепях искусства»⁴¹. И эта особенность накладывает заметный отпечаток на культовые сооружения и развалины, которые русские романтики воспринимали с особым страхом и трепетом.

Интересно, что смерть для русских путешественников ассоциируется с хаосом архитектуры и увяданием природы. Те районы Италии, где отсутствует привычная для этого региона пышная экзотическая растительность, характеризуются в их травелогах, как гибельные места, а неухоженные руины становятся в их воображении вратами в зловещий потусторонний мир. Так Н.С. Всеволожский разочарованно пишет о «смертельном воздухе» Таормины, где на протяжении многих поколений царствуют три полуразрушенных храма. Они напоминают ему «мертвецов», в телах которых вороны-падальщики «ищут пищи»⁴². Схожее чувство опустошения одолевает его при осмотре виллы Адриана в Тиволи. «Здесь даже нет развалин строений, заполнивших некогда шесть верст вокруг. Теперь дикие травы, плющ, мхи, цветущие лианы, свободно развешивают свои гирлянды по изувеченным аркам, по обнаженным пилястрам, и как бы в насмешку увенчивают голые и обломанные капители...»⁴³. Не лучшие ассоциации вызывают у путешественников и развалины Пестума, осмотр которого многие из них считали формальностью. Даже инженер М.С. Волков с практическим складом ума, сравнивает храм Цереры в Пестуме с входом в «тартарары», где «травы, поросшая на помосте, выжжена огнем преисподней, который изрыгается всякий раз, когда новый демон выходит из ада, или когда он возвращается в него, увлекая новую жертву»⁴⁴.

Русские путешественники, побывавшие в Италии, отличались по характеру и культурно-историческому опыту, приезжали в страну с разными целями и задачами. При этом объединяющим фактором их активности стала потребность самоопределения в зеркале веков и желание отыскать место родной культуры в общемировом художественном наследии. И маяком для этого искания часто становилась именно архитектура, которая органично синтезировала в себе все виды искусства, определяла образ времени и пространства.

Анализ фактической составляющей травелога, показал, что внимание вояжеров привлекали типы построек и элементы архитектуры, чуждые для

⁴⁰ Волков М.С. Отрывки из заграничных писем (1844–1848). СПб., 1857. С. 20.

⁴¹ Шевырев С.П. Итальянские впечатления. СПб., 2006. С. 162.

⁴² Всеволожский Н.С. Путешествие через Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Францию и Париж в 1836 и 1837 годах М., 1839. Т. 2. С. 82.

⁴³ Всеволожский Н.С. Там же. С. 222.

⁴⁴ Волков М.С. Отрывки из заграничных писем (1844–1848). СПб., 1857. С. 167.

отечественной строительной практики вплоть до конца XIX столетия: мосты, башни, лечебные учреждения, масштабные купольные культовые строения и их броское декоративное убранство: обилие мозаики, скульптуры, цветного мрамора и позолоты. Многие из того, что для европейской архитектуры считалось привычным, благодаря налаживанию творческих контактов, только появлялось на русской земле.

Путешественники в целом не стремились выявить преемственность культурных традиций. Когда они находили в русской и европейской архитектуре общие черты, то угадывали их почти бессознательно, руководствуясь в основном зрительной памятью. Профессиональные зодчие или ученики-пенсионеры были рады любой возможности прикоснуться к основам строительной мысли великих предшественников. Они с воодушевлением изучали руины, набираясь опыта и подкрепляя теоретические знания практикой⁴⁵. А многие путешественники-дилетанты демонстрировали любительский подход к анализу строений, в которых их в первую очередь привлекало многообразие и изящество форм.

Такой альтернативный взгляд на архитектуру стал отражением важной для самосознания христианина идеи о верховенстве красоты и гармонии. Архитектурный экфрасис писем и путевых дневников русских путешественников сделался наглядной демонстрацией восприятия иностранного культурного наследия, которое в разной степени повлияло на их личное мировоззрение и отразилось на эстетике эпохи в целом.

Литература

1. Брагинская 1977 – Брагинская Н.В. Экфрасис как тип текста (К проблеме структурной классификации) // Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста. М., 1977. С. 259–283.
2. Брикнер 1877 – Брикнер А. Русские дипломаты-туристы в Италии в XVII столетии // Русский вестник. М., 1877. Т. 128. С. 5–44.
3. Взгляд чужеземца 2020 – Взгляд чужеземца: Дипломаты, публицисты, ученые-путешественники между Востоком и Западом в XVIII–XXI вв. / Г.В. Александров, М.М. Фролова, Ф.И. Мелентьев [и др.]; под общ. ред. О.В. Хавановой, А.А. Леонтьевой, К.В. Мельчаковой. М.; СПб., 2020.
4. Гросул 2008 – Гросул В.Я. Русское зарубежье в первой половине XIX века. М., 2008.
5. Гуминский 2017 – Гуминский В.Н. Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте. М., 2017.
6. Ермакова 1858 – Ермакова Н.А. Путешественник *vis-a-vis* форестьер в итальянском травелог П.В. Ковалевского (1858) // Русский травелог XVIII – начала XX веков: аннотированный указатель / под ред. Т.И. Печерской. Новосибирск, 2015. С. 71–105.
7. Лер 2015 – Лер С. Воспитание российского дворянства: от практики образовательных путешествий в Западную Европу к национальным корням культуры (семейства Голицыных и Апраксиных в 1780–1812 гг.) // *Quaestio Rossica*. 2015. № 2. С. 158–171.
8. Милюгина 2013 – Милюгина Е.Г., Строганов М.В. Русская культура в зеркале путешествий: монография. Тверь, 2013.
9. Морозова 2008 – Морозова Н.Г. Специфика экфрасиса в эпистолярном жанре // Экфрасис в русской прозе. Новосибирск, 2008. С. 138–156.
10. Поверина 2021 – Поверина А.М. Русский взгляд на Италию (на материале путевых дневников петровского времени) // *INITIUM*. Художественная литература: опыт современного прочтения: сб. ст. молод. ученых. Вып. 4. Екатеринбург, 2021. С. 124–129.
11. Русский травелог 2018 – Русский травелог XVIII – начала XX веков: аннотированный указатель / под ред. Т.И. Печерской. Новосибирск, 2018.
12. Русский травелог 2015 – Русский травелог XVIII–XX веков / Под ред. Т.И. Печерской. Новосибирск, 2015.
13. Старикова 2015 – Старикова Г.Н. Посольские отчеты XVII в.: жанровое разнообразие, лингвистическая содержательность // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2015. № 1 (33). С. 51–65.

⁴⁵ Калугина Н.А. Русские архитекторы-пенсионеры в Италии. Первая половина XIX века // *Художественный мир глазами иностранцев: впечатления, взаимовлияния, новые тенденции*. Сб. ст. М., 2013. С. 225–233.

14. Сивков 1914—Сивков К.В. Путешествия русских людей за границу в XVIII веке. СПб., 1914.
15. Терешкина 2015—Терешкина О.Л. Западно-европейское искусство глазами русских путешественников второй половины XVIII века // Идеи и идеалы / Проблемы культурологии и искусствознания. Новосибирск, 2015. № 3 (25). Т. 2. С. 131–139.
16. Фарафонова 2015—Фарафонова О.А. Собор святого Петра в дневниках и письмах

- русских путешественников XVIII века // Русский травелог XVIII–XX веков / Под ред. Т.И. Печерской. Новосибирск, 2015. С. 9–28.
17. Экфрастические жанры 2014—Экфрастические жанры в классической и современной литературе: монография / Н.С. Бочкарева, К.В. Загороднева, Е.О. Пономаренко, А.Г. Рогова, И.А. Табункина, Д.С. Туляков, И.И. Тулякова / Под общ. ред. Н.С. Бочкаревой. Пермь, 2014.

References

1. Braginskaya, N.V. (1977), Ekphrasik kak tip teksta (K probleme strukturnoi klassifikatsii) [Ekphrasik as a text type (Towards the problem of structural classification)] *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie. Karpato-vostochnoslavjanskije paralleli. Struktura balkanskogo teksta*, Moscow, pp. 259–283.
2. Brikner, A (1877), Russkie diplomaty-turisty v Italii v XVII stoletii [Russian diplomats-tourists in Italy in the 17th century] *Russky vestnik*. Moscow, T. 128, pp. 5–44.
3. Vzgljad chuzhezemtsa: Diplomaty, publitsisty, uchenye – puteshestvenniki mezhdru Vostokom i Zapadom v XVIII–XXI vv. (2020) [A stranger's view: Diplomats, publicists, and scholars – travelers between East and West in the 18th – 21st centuries], G.V. Aleksandrov, M.M. Frolova, F.I. Melentiev [i dr.]; O.V. Khavanova, A.A. Leontieva, K.V. Melchakova, (Eds.), Moscow, St Petersburg.
4. Grosul, V.Ya. (2008), Russkoe zarubezhie v pervoi polovine XIX veka [Russian Abroad in the First Half of the 19th Century], Moscow.
5. Guminsky, V.N. (2017), Russkaya literatura puteshestvii v mirovom istoriko-kulturnom kontekste [Russian Travel Literature in the World Historical and Cultural Context], Moscow.
6. Ermakova, N.A. (1858), Puteshestvennik vis-a-vis forester v italyanskom traveloge P.V. Kovalevskogo [Traveler vis-a-vis Forestier in the Italian Travelogue by P.V. Kovalevsky (1858)] *Russky travelog XVIII – nachala XX vekov* T.I. Pecherskaya, Ed., Novosibirsk, 2015, pp. 71–105.
7. Ler, S. (2015), Vospitanie rossiiskogo dvoryanstva: ot praktiki obrazovatelnykh puteshestvii v Zapadnuyu Evropu k natsionalnym kornyam kultury (semeistva Golitsynykh i Apraksinykh v 1780–1812 gg.) [Education of the Russian nobility: from the practice of educational travel to Western Europe to the national roots of culture (the Golitsyn and Apraksin families in 1780–1812)], *Quaestio Rossica*, No 2, pp. 158–171.
8. Milyugina, E.G., Stroganov, M.V. (2013), Russkaya kultura v zerkale puteshestvii [Russian culture in the mirror of travel], Tver.
9. Morozova, N.G. (2008), Spetsifika ekphrasisa v ehpistoлярном zhanre [Specificity of ekphrasik in the epistolary genre], *Ekphrasik v russkoi proze*, Novosibirsk, pp. 138–156.
10. Poverina, A.M. (2021), Russky vzglyad na Italiyu (na materiale putevykh dnevnikov petrovskogo vremeni) [The Russian view of Italy (based on travel diaries from the time of Peter the Great)], *INITIUM. Khudozhestvennaya literatura: opyt sovremennogo prochteniya: sbornik statei molodykh uchennykh*. Ekaterinburg, Issue 4, pp. 124–129.
11. Russky travelog XVIII – nachala XX vekov [Russian travelogue of the 18th – early 20th centuries] (2018), T.I. Pecherskaya, Ed., Novosibirsk.
12. Russky travelog XVIII–XX vekov [Russian travelogue of the 18th – 20th centuries] (2015). T.I. Pecherskaya, Ed., Novosibirsk.
13. Starikova, G.N. (2015), Posolskie otchety XVII v.: zhanrovое raznoobrazie, lingvisticheskaya sodержatel'nost' [Embassy reports of the 17th centuries: genre diversity, linguistic content] *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: Filologiya*, No 1 (33), pp. 51–65.
14. Sivkov, K.V. (1914), Puteshestviya russkikh lyudei za granitsu v XVIII veke [Travels of Russian people abroad in the 18th century], St Petersburg.
15. Tereshkina, O.L. (2015), Zapadnoevropeiskoe iskusstvo glazami russkikh puteshestvennikov vtoroi poloviny XVIII veka [Western European art through the eyes of Russian travelers of the second half of the 18th century], *Idey i idealy: Problemy kulturologii i iskusstvovoznaniya*. Novosibirsk, No 3 (25), V. 2, pp. 131–139.
16. Farafonova, O.A. (2015), Sobor svyatogo Petra v dnevnikh i pismakh russkikh puteshestvennikov XVIII veka [St Peter's Cathedral in the diaries and letters of Russian travelers of the 18th century], *Russky travelog XVIII–XX vekov* T.I. Pecherskaya (Ed.), Novosibirsk, pp. 9–28.

17. Ekphrastic genres (2014), Ekfrasticheskie zhanry v klassicheskoi i sovremennoi literature [Ekphrastic genres in classical and modern literature] (2014), General editor N.S. Bochkareva. Perm.

Информация об авторе

Наталья А. Калугина, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник, Государственная Третьяковская галерея, Москва, Россия; 119017, Россия, Москва, Лаврушинский пер., д. 10; calugina.nat@yandex.ru

Author Info

Natalia A. Kalugina, Cand. of Sci. (Art History), State Tretyakov Gallery, 10 Lavrushinsky lane, 119017 Moscow, Russia; calugina.nat@yandex.ru